

Сюэ Фэйфэн не мог с уверенностью сказать, говорят ли они о Шэнь Цинжане.

Если бы Шэнь Цинжань находился в военном лагере, он бы непременно пришел его навестить — разве что с ним случилось бы нечто еще более ужасное, чем с самим Сюэ Фэйфэном. Однако, судя по уверенному тону солдат, речь шла именно о беременности, а не о каком-то несчастье.

Сюэ Фэйфэн предположил, что «госпожа», о которой они говорят, на самом деле жена Чжан Хуайпу.

Чжан Хуайпу женился поздно и до сих пор не имел детей. Учитывая, что боевые действия только что утихли, вполне возможно, что он привез жену в Цанчжоу. После долгой разлуки супруги воссоединились, и желание завести ребенка было совершенно естественным.

Госпожа Чжан могла родить ребенка, а Шэнь Цинжань... вряд ли?

За последний год Шэнь Цинжань настолько перевернул картину мира Сюэ Фэйфэна, что тот и сам уже ни в чем не был уверен. И как раз в тот момент, когда он почти исключил вероятность того, что солдаты говорят о Шэнь Цинжане, он вновь услышал их голоса.

— Эй, вы двое, из какого батальона... — начал было Чан Бай.

В этот момент раздался голос Сюэ Фэйфэна:

— Чан Бай, дай им договорить.

Чан Бай покрылся холодной испариной. Конец, теперь не скроешь.

— Как по мне, так молиться надо госпоже — тогда толк будет! Наша госпожа — божество во плоти, стоило ей только взяться за дело, и генерал нашелся!

— Точно! А сушеная рыба и утиные яйца, которые госпожа привезла нам в награду — объедение! Он еще обещал всем ватные куртки раздать. С нашим генералом точно голодными не останемся!

Бамс!

Чан Бай не стал дожидаться, пока Сюэ Фэйфэн его позовет. Понимая, что идет на верную смерть, он шагнул в шатер. В ту же секунду прямо у его ног разлетелась вдребезги чашка с чаем. По спине пробежал холодок, и он рухнул на колени.

Сюэ Фэйфэн с трудом спустил ноги с кровати. Правая нога чудовищно распухла — зрелище не для слабонервных. Не отрывая взгляда от Чан Бая, он, чеканя каждое слово, спросил:

— Где Шэнь Цинжань?

Снова сговорились и обманывают его?!

Чан Бай попытался поддержать Сюэ Фэйфэна, но тот резким движением сбросил его руку:

— Генерал, лекарь строго-настрого запретил вам вставать!

— Я спрашиваю, где Шэнь Цинжань?! — Кровь проступила сквозь бинты на груди еще отчетливее, на шее вздулись вены, лоб покрылся испариной от пронзающей боли, а губы

побелели. Но в его глазах полыхал такой яростный огонь, что встретиться с ним взглядом было невыносимо.

Сюэ Фэйфэн схватил Чан Бая за грудки. Движимый отчаянным упрямством, стоя на одной здоровой ноге и опираясь на одну здоровую руку, он умудрился оторвать Чан Бая от земли.

— Я еще не сдох! А вы все... Черт с ними, с теми тремя, они служат Шэнь Цинжаню, но ты-то, Чан Бай... кхе-кхе-кхе... — Сюэ Фэйфэн отшвырнул Чан Бая и, прихрамывая, направился к выходу, оставляя за собой на полу кровавый след.

В порыве отчаяния Чан Бай, забыв о субординации, прокричал:

— И вы осмелитесь предстать перед госпожой в таком виде?! Генерал! Вы забыли, что написали ему в письме?!

В тех письмах были сплошные бравурные отчеты: «Враг бежит, бросая оружие и доспехи, а я цел и невредим, ни царапины!»

Сюэ Фэйфэн на мгновение замер, а затем рявкнул в ответ:

— Я хочу его видеть!

Поняв, что к Сюэ Фэйфэну вернулась толика рассудка, Чан Бай поспешно добавил:

— Госпожа в лагере. Господин может увидаться с ней когда пожелает... если, конечно, не боится разбить госпоже сердце своим видом.

Конечно, Сюэ Фэйфэн боялся. Боялся до смерти.

Когда Чан Мин и Чан Бай принесли носилки, чтобы отнести его к Шэнь Цинжаню, в его душу закралась малодушная мысль пойти на попятную:

— Если я покажусь ему таким, Жань-Жань рассердится?

Но эта тревога промелькнула и исчезла, мгновенно уступив место новому страху. И дело было не в самоуверенности Сюэ Фэйфэна: если в такой ситуации Шэнь Цинжань сам не пришел к нему, значит ли это, что с ним случилось что-то еще более ужасное?!

— Что стряслось с Жань-Жанем?

До палатки, где без сознания лежал Шэнь Цинжань, оставалось несколько десятков метров. Опасаясь, что Сюэ Фэйфэн, узнав правду, откажется от носилок и попытается «долететь» туда самостоятельно, Чан Бай замялся и выдал:

— Госпожа уже видела вас в таком состоянии, так что не переживайте. Просто госпожа... э-э... испытывает трудности с передвижением, поэтому придется вам самому к ней отправиться.

Сюэ Фэйфэн напрягся. Что значит «трудности с передвижением»? Уж не на восьмом ли он месяце беременности, раз ходить не может?!

Жань-Жань видел его? И как он отреагировал? Рассердился? И до сих пор злится, поэтому не хочет его видеть?

Сюэ Фэйфэн, снедаемый тревогой, неловко попытался прикрыть раненные места одеялом,

словно это могло что-то скрыть, и поторопил Чан Бая:

— Быстрее!

По мере приближения к палатке Шэнь Цинжаня звуки военного лагеря стихали; казалось, тишину здесь поддерживали намеренно. Солдаты ступали неслышно, точно так же, как возле шатра Сюэ Фэйфэна, стараясь не тревожить покой раненого.

Увидев Чан Чань и Чан Суя, стоявших на коленях перед входом в палатку, Сюэ Фэйфэн почувствовал, как сердце ухнуло вниз.

Чан Бай сухим голосом попытался заранее успокоить закипающего от гнева господина:

— Эти полмесяца выдались для госпожи слишком тяжелыми. Лекарь прописал ей строгий покой. Прошу вас, генерал, держите себя в руках.

Сюэ Фэйфэн глубоко вздохнул, ненавидя себя за то, что старые раны дали о себе знать именно сейчас:

— Несите меня внутрь.

Едва переступив порог, он увидел свое драгоценное сокровище. Шэнь Цинжань тихо лежал на кровати, его грудь едва вздымалась. Он исхудал еще сильнее по сравнению с тем «оборотнем из маша», который тогда утяжелял себя зелеными бобами.

На обычно гладких и белых щеках виднелось несколько затянувшихся царапин — сразу было видно, что это следы от песка и ветра пустыни. Скулы резко очертились, губы потрескались и побледнели. Пальцы, послушно лежащие по швам, были в ссадинах от поводьев, а под ногтями всё еще темнел глубоко въевшийся песок.

Маленький, хрупкий комочек, спящий таким безмятежным сном. Когда Сюэ Фэйфэн перевернул его ладони для осмотра, он даже не дрогнул ресницами.

Сюэ Фэйфэн даже не взглянул на четверых Чан, стоящих на коленях за его спиной. Весь его мир сузился до одного Шэнь Цинжаня.

Чем меньше и беззащитнее казался Шэнь Цинжань, тем более всеобъемлющей становилась любовь генерала, проникающая в каждую клеточку его существа. Здоровой рукой он осторожно, невесомо провел по щеке Шэнь Цинжаня.

В этом мире было не так уж много вещей, которые он по-настоящему любил — и Шэнь Цинжань был самым главным из них. Как же так вышло, что его любовь таяла на глазах?

— Что с ним стряслось? — тихо спросил Сюэ Фэйфэн. — Говори, Чан Суй.

Вызванный Чан Суй, будучи человеком прямолинейным, выложил всё как на духу:

— Госпожа предвидела нашествие саранчи в Цанчжоу и написала вам письмо с предупреждением. Но душа у него была не на месте, и он, собрав шесть тысяч боевых коней и обоз с зерном из Миньчжоу, отправился на подмогу армии. Из-за спешки госпожу сильно укачивало в повозке, всю дорогу до Цанчжоу его мучило и рвало.

Иногда, останавливаясь на ночлег в городах, Шэнь Цинжань, боясь нехватки провианта, жертвовал сном, чтобы обойти все крупные зерновые лавки и купить еще больше

продовольствия. Чем ближе они подъезжали к Цанчжоу, тем тяжелее становился обоз, пока наконец не собралось десять тысяч даней зерна.

— За день пути до лагеря госпожа вдруг сказала, что с господином стряслась беда. Приказала пересаживаться на быстрых лошадей и даже порывалась привязать себя к седлу... — Голос Чан Суя дрогнул. — Но старшая сестра его отговорила. Прибыв в лагерь и узнав о пропаже господина, госпожа первым делом успокоил армию, а затем сразу же бросился в пустыню на ваши поиски. Трое или четверо суток без сна он носился повсюду, ища вас.

Сердце Сюэ Фэйфэна разрывалось от невыносимой боли. Он проклинал себя за то, что принял те зеленые бобы, и еще больше ненавидел за то, что, взяв их, не смог сдержать обещания. Если бы он не пролежал без сознания так долго, Шэнь Цинжань не довел бы себя до истощения.

Сюэ Фэйфэн попытался представить себе эту картину: насколько же сильно был измотан Шэнь Цинжань, если его тело держалось исключительно на силе воли, и только когда Чан Мин сказал: «Он жив», натянутая струна лопнула, и он рухнул без сознания прямо на месте?

И последними его словами были: «Не говорите ему...»

— Жань-Жань, — Сюэ Фэйфэн опустился на землю у кровати, крепко сжал руку Шэнь Цинжана и прижался к ней губами в долгом поцелуе. От того изнеженного молодого господина, который когда-то обижался из-за необходимости самому греть воду для купания, до нынешней жены генерала, отчаянно сажающей урожай и запасающей провиант для армии... Сюэ Фэйфэн знал, ради чего изменился Шэнь Цинжань.

Он так и не успел подарить Шэнь Цинжаню спокойную и сытую жизнь, но заставлял его раз за разом выбиваться из сил ради себя.

Шэнь Цинжань проспал два дня. Лекарь сказал, что скоро он должен очнуться.

Сюэ Фэйфэн, сам будучи инвалидом, категорически настоял на том, чтобы лично ухаживать за женой: обтирать его тело, кормить жидкой кашей, переодевать.

Он велел Чан Баю поставить для себя еще одну кровать прямо в палатке Шэнь Цинжана. Он не сводил с него глаз, и если ему приходилось отвернуться хоть на секунду, его охватывала паника.

Прожив десять лет в суровых условиях военного лагеря, Сюэ Фэйфэн оставался довольно неотесанным малым. Несмотря на бесчисленные ранения, он так и не научился толком заботиться о себе. Но, благодаря Шэнь Цинжаню, он теперь мог выполнять одной рукой любую тонкую работу.

С одной стороны, он действовал предельно осторожно, боясь разбудить Шэнь Цинжана. С другой стороны, его снедала неконтролируемая тревога: когда же Шэнь Цинжань проснется? А что, если он не проснется никогда?

Генерал лучше кого-либо знал, что Шэнь Цинжань — человек необычный. Он даже смутно подозревал, что полюбил вовсе не того Шэнь Цинжана, на котором женился под именем Ли Фэна.

С того самого дня, когда он впервые вернулся с гор, а Шэнь Цинжань, собирая хворост, скатился с пригорка прямо к его ногам — всё изменилось. Может, он и впрямь оборотень из маша или небожитель, сошедший на землю, как болтали солдаты?

Смогут ли мирские законы и обычные лекари измерить жизнь и смерть бессмертного? Что, если душа небожителя покинула тело, оставив лишь смертную оболочку?

На третий день беспробудного сна Шэнь Цинжання Сюэ Фэйфэна охватила настоящая паника.

Сжимая руку Шэнь Цинжання, он безостановочно звал его по имени. Он больше не хотел ждать. Он хотел разбудить его:

— Жань-Жань, проснись, пожалуйста. Давай сначала проснемся, а потом снова уснем. Старина Чжан сказал, что вечером будут жарить барана. Проснись, и я прикажу ему зажарить его только для тебя.

Чан Бай, глядя на состояние генерала, вспомнил Шэнь Цинжання, который несколько дней назад искал генерала в пустыне. Он был точно таким же: с виду спокойным, но внутри — охваченным безумием.

Он отвел взгляд, не в силах смотреть на это.

Молодой господин Шэнь, генерал заставил вас переживать три дня, и теперь вы квиты. Сжальтесь над ним, перестаньте его мучить.

Если Сюэ Фэйфэна сейчас не начать лечить, он и вправду останется калекой.

Всё верно: единственное, чем занимался генерал целыми днями — это звал Шэнь Цинжання. Он плюнул на свои раны, забросил дела армии, чем довел до белого каления чудо-лекаря, прибывшего издалека.

— Генерал Сюэ, если вы не собирались лечиться, могли бы сказать об этом раньше! Я проделал такой путь из Долины Врачевания, и ради чего? Чтобы смотреть, как вы тут сюсюкаетесь с женой?!

— Раз от тебя никакого толку, и Шэнь Цинжань до сих пор не пришел в себя, то какой ты лекарь? Просто шарлатан! — Сюэ Фэйфэн был глух к доводам разума. Лекарь хотел заняться его ногой, а он требовал, чтобы тот сначала осмотрел Шэнь Цинжання.

— Да я же вам простым языком говорю: он просто спит! — взорвался чудо-лекарь, едва не срываясь на крик. Черт его знает, почему Шэнь Цинжань до сих пор не проснулся!

— Но он спит уже три дня! — заорал в ответ Сюэ Фэйфэн, сорвавшись. Ему было уже всё равно — если крик разбудит Шэнь Цинжання, то пусть так и будет.

— Вы будете лечиться или нет?!

— Нет, — отрезал Сюэ Фэйфэн, прижимая больную ногу. Он не собирался отходить от кровати Шэнь Цинжання ни на шаг — это было равносильно смерти. — Если ты такой всемогущий лекарь, то лечи меня прямо здесь. А если нет — можете уходить.

И под «здесь» Сюэ Фэйфэн подразумевал не просто палатку: он требовал лечить его, пока он держит Шэнь Цинжання за руку, не меняя позы.

— Да как ты...

В таких условиях лекарь просто не мог работать.

Чан Мин поспешил погладить старика по спине, пытаясь его успокоить:

— У нашего генерала с госпожой очень сильные чувства, войдите в положение.

Чудо-лекарь от злости начал раздувать щеки и таращить глаза, так что его накладная борода, и без того державшаяся на честном слове, отлетела прочь.

Но он обладал высокой врачебной этикой. Хоть генерал и бесил его до зубовного скрежета, он всё же взял у Чан Бая тысячу лян серебра.

Человек — дрянь, а вот серебро — хорошее.

Недолго думая, чудо-лекарь всадил иглу Сюэ Фэйфэну прямо в затылок.

Будешь тут еще права качать! Одна игла — и готов.

Но даже гениальный врач не мог предвидеть, что игла отключит Сюэ Фэйфэна всего на четверть стражи (пятнадцать минут). Как только его вытащили из палатки и приготовили лечебную ванну и травы для окуривания, Сюэ Фэйфэн пришел в себя.

— Я хочу видеть Жань-Жаня! — яростно потребовал он. — Я отказываюсь лечиться!

Чудо-лекарь посмотрел на него, как на умалишенного:

— Если будете тянуть и дальше — останетесь без ноги.

— Генерал, если госпожа проснется и увидит вас в таком состоянии, у нее сердце разорвется,
— Чан Бай вцепился в руку Сюэ Фэйфэна, как родитель, пытающийся удержать брыкающегося ребенка перед кабинетом врача.

— Так пусть просыпается! — Сюэ Фэйфэн вдруг словно обезумел. Решив, что таким образом он сможет добиться своего, он, прихрамывая, бросился обратно к палатке. — Шэнь Цинжань! Если у тебя нет сердца — спи дальше! Пока ты не проснешься — я не буду лечиться! Посмотрим, кто из нас первым встретится с владыкой преисподней Янь-ваном!

С этими словами он откинул полог... и увидел Шэнь Цинжаня. Тот сидел на краю кровати, надув щеки от злости. При виде вошедшего Сюэ Фэйфэна он попытался вскочить, но замер, схватившись за голову — у него потемнело в глазах от слабости.

И от голода.

— Сюэ Фэйфэн, ты что, совсем страх потерял?! — Шэнь Цинжань потер лоб, еле сдерживая ярость. — Ладно! Хочешь сдохнуть — твое право!... Повтори-ка еще раз, если смелости хватит!

Он перерыл всю пустыню, еле нашел этого человека, а тот теперь смеет угрожать ему собственной жизнью!

Сюэ Фэйфэн, опираясь о деревянный столб у входа, мгновенно растерял весь свой пыл. Он глупо уставился на бушующего Шэнь Цинжаня. В его глазах читались лишь безграничная жадность и обожание. Он открыл было рот, но смелость куда-то улетучилась.

— Э-э... да просто... лекарь... лечит слишком больно.

— Я не то чтобы специально не хотел.

<http://bllate.org/book/17933/2103639>